

ДИАЛОГ, ПРОПАГАНДА, ЦЕННОСТИ И СМИ: О ПОБЕДЕ НАРРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ РОССИИ

Современное информационное поле России характеризуется развитием нарративных тенденций и сужением площадок диалога. В статье рассматривается конфликт нарастающих в СМИ явлений с миссией журналистики. Дан обзор возможных подходов к исследованию этих процессов. Сформулирована мысль о неизбежности институционального пересмотра миссии и роли отечественной журналистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: диалог; нарратия; нарративные стратегии; пропаганда; вестернизация; девестернизация; индиженезация; соразмерности теория; спираль молчания.

В журналистском тексте как особой форме информационного сообщения мы могли бы усматривать переплетение двух основных тенденций: диалогического и нарративного начал. Привычное отнесение нарратии к сфере художественной литературы вполне может быть пересмотрено, поскольку наработки в сфере нарратологии открывают новые уровни осознания самих принципов устройства информационных потоков.

Если для исследователей художественной литературы особое значение имеет сама ситуация «конструирования рассказа» в тексте (рассказчик, его «голос», позиция автора и иные нарраторы) либо событийность как таковая (последовательность стадий события в повествовании [7, 6]), то нарратия в более широком смысле — это состоявшийся, законченный, завершённый рассказ о каком бы то

ЗАГИДУЛЛИНА Марина Викторовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории массовых коммуникаций Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета (e-mail: mzagidullina@gmail.com).

© Загидуллина М. В., 2015

ни было событию, позволяющий читателю (зрителю, слушателю) воспринять смысл (т. е. не только фактуальную сторону сообщения, но интенцию нарратора).

Диалогическое начало при этом никак не исключает нарративности как таковой, однако «история» в диалоге — повод услышать мнение другого, приглашение к размышлению, когда самому автору важнее спровоцировать чужое мнение, чем высказать свое (впрочем, разумеется, персональность участника диалога в любом случае существенна).

Если — не вдаваясь в тонкости лингвистических, литературоведческих и дискурсивных позиций — охарактеризовать глубинную разницу наррации и диалога, то суть сводится к тому, что в первом случае мы получаем текст, не терпящий вмешательства воспринимающего сознания (т. е. рассчитанный на «считывание» заложенных смыслов, их «распаковку»), а во втором — текст, без этой реакции не существующий (т. е. не несущий готового смысла, а провоцирующий его поиск).

Говоря о системе жанров современных СМИ, мы неизбежно обнаружим нарративность как сущностное свойство журналистики. В последнее время это даже закрепилось на уровне такого явления, как сторителлинг (что можно рассматривать как прямой синоним «наррации»). Казалось бы, журналистика как мастерство рассказывания историй — вполне позитивный прогноз развития отрасли. Однако российская информационная ситуация 2014–2015 гг. показывает, что под сплошной нарративизацией СМИ следует понимать именно переход от границ наррации с диалогом к границам с пропагандой. В определенном смысле мы обнаруживаем отвердевание словесных формул, приводящих к возникновению «жесткого» (однолинейного) объяснения событий. Такое давление на СМИ (в начале периода оно было негласным и диктовалось «образцовыми» дискурсами, скажем, «Российской газеты» и РИА, а в последнее время стало даже предписываться специальными постановлениями соответствующих ведомств — например, Роскомнадзора) может рассматриваться как желательность для власти получения нарративного информационного пространства с четко предписанными и строго оговоренными формулировками в «законченных историях» о происходящем.

Основная причина внимания властных управляющих структур к сознательной нарративизации СМИ и уходу от какого бы то ни было диалога могла бы восприниматься как вполне изученное явление манипуляции населением со стороны власти посредством СМИ [3]. Однако даже поверхностный анализ ситуации показывает, что в данный момент времени мы имеем очень значимый по своей основе консенсус власти и масс именно в вопросах упорядочивания медийного поля. Основным объяснением консенсуса оказываются ценности, понимаемые как сохранение мира, единение народа с вождями, упрочение родной страны и т. п. При этом такая ценность, как свобода слова, вообще не воспринимается и даже рассматривается как враждебное российскому менталитету явление (с соответствующим ярлыком — «сторонники майдана» и оценкой — «нет майдану»).

Феномен ненужности свободы слова, ее невостребованности на уровне российского массового сознания ждет своего дальнейшего изучения. Однако именно благодаря этому феномену возможна тотальная нарративизация медийного пространства. Нарративные стратегии при этом следует рассматривать как один из

вариантов консолидации ожиданий читательской аудитории и профессионалов, создающих соответствующие тексты. Совпадение горизонтов ожиданий представляется единственно важным эффектом в работе средств массовой информации. Анализ реакции крупнейших СМИ на расстрел редакции Шарли Эбдо может рассматриваться как вариант такой консолидации.

Важнейшим последствием «отвердевания» общественно-политического дискурса становится, несомненно, неизбежность раскола общественных сил (в российской ситуации это оказалось озаглавлено хэштегами «#крымнаш» и «#крымненаш»), однако с неперенным перевесом патриотической линии. Патриотизм как совершенно особая ценность культивируется именно в виде нарративного медийного дискурса, предписывающего СМИ определенные интонации и даже словосочетания; именно в силу выхода патриотизма из состояния «латентного» в открытое поле дискуссий свобода слова оказывается крайне нежелательным явлением либо понимается только в том ключе, как ее определял В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма» [2, 102]. Обратим внимание, что Ленин соглашался с мыслью об абсолютной свободе слова и подчеркивал, что речь идет об исключительно «партийной литературе», т. е. литературе, создаваемой членами партии. Его логика определялась тем, что — в случае несовпадения взглядов художника и партии — партия вольна исключить художника из своих рядов. Более всего этот подход напоминает сегодня принципы корпоративной этики. Ты можешь критиковать свою компанию, однако она вправе расторгнуть договор с тобой. Действие этих механизмов в чистом виде мы можем наблюдать сейчас на примере событий вокруг партии «Гражданская платформа» (отношение к Крыму, убийству Немцова, участию в «Антимайдане» и т. п.).

Однако особенность сегодняшнего политического момента как раз определяется тем, что место «партий» и «корпораций» замещает аморфное, неформальное большинство, подчиняющееся не партии или какому-либо союзу, но общему патриотическому «всплеску». Средства массовой информации в такой борьбе оказываются вынужденными быть рупорами патриотических идей, а всякие попытки противостоять общим позициям могут быть чреваты не только каким бы то ни было публичным остракизмом (яркий пример — судьба А. Макаревича), но и уголовным преследованием и принятием решений в правовом поле.

Такое давление не может оказаться «незаметным» — его главным следствием неизбежно становится включение механизмов самоцензуры и смена повестки дня: опасные темы становятся все менее дискутируемыми, вытесняются нейтральными; тем не менее аудитория взыскует диалога именно по острым темам. Вместо диалога востребованным оказывается нарративная «материя» медийного текста: акценты расставлены, ярлыки «освящены» на самом высоком уровне. Аудитория может вздохнуть спокойно: российские федеральные СМИ чрезвычайно чувствительны к рискам и быстро занимают ту самую «единую» позицию, что и цементирует нацию, отсекая чужих (сомневающих и несогласных).

Ценность свободы слова, столь актуальная в западной журналистской модели и фактически определяющая миссию профессиональной деятельности, в российском пространстве может восприниматься не иначе как «некое умствование» (т. е. ценность эта нелегитимна).

При этом в исследовательском поле ставится вопрос о границах и возможностях той модели профессиональной журналистики, что реализуется сегодня. Отсутствие диалогических форм и возможности диалога не является ли ментальной особенностью и своеобразной национальной чертой? Достоевский обозначил эту черту как «всемирную отзывчивость русского человека» — способность воспринимать другого (в том числе и другие культуры, ментальности) очень точно, адекватно его сути, «схватывать» суть культуры. Однако, как говорит герой того же Достоевского Федька Каторжный в «Бесах», «Петр Степанович — одно, а вы, сударь, пожалуй что и другое. У того коли сказано про человека: подлец, так уж кроме подлеца он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж кроме дурака у него тому человеку и звания нет. А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его» [1, 259].

Нет сомнений, что склонность к замене диалога императивами (т. е. нарративом в форме будущего времени — когда бытие завтрашнего дня «директивно» определяется сегодняшним дискурсом) может быть присуща любой нации, но сегодняшняя ситуация в России позволяет особенно четко видеть согласие между «массой и коммуникацией». Для исследователя оказывается чрезвычайно важным не только констатировать факт такого консенсуса (и проверить степень реального расслоения мнений), но и установить связь между нарративом как доминирующим способом воссоздания картины мира и особенностями конкретного локуса (фактически — национальной способности к диалогу в общественно-политическом поле), т. е. вернуться к вопросу диалогичности (и невозможности построения диалоговых форм). Помимо привычных в институциональном поле журналистики сетований, можно и нужно обратиться к исследовательским инструментам, позволяющим извлечь из фактов, репрезентирующих данный феномен, закономерности.

Превалирование нарратива («рупора» единого мнения) может рассматриваться в терминах «спирали молчания» [6]. «Чем менее стабильно общество, тем больше его потребность в массово-информационном ориентировании, способствующем процессу установления приоритетов и ценностей», — поясняет Т. В. Науменко концептуальность позиции Э. Ноэль-Нойман, автора концепции «спирали молчания» [5, 9]. «Спираль молчания» современной общественной ситуации поддерживается «ключевым вопросом» — страхом и готовностью поступаться любыми моральными принципами ради социальной безопасности [9]. В современном российском обществе мы можем наблюдать «закручивание» спирали молчания — как инструментальным вмешательством силовых и правительственных структур и одновременным уходом с арены политических «глашатаев» оппозиции, так и главной альтернативой «спирали молчания» — рупором общего и общественного мнения (артикуляция «единой позиции» становится все более агрессивной и вовлекает в свой круг все большие массы, сужая пространство диалога до отрицательных значений).

Мнение о «революционном» месте социальных сетей в противостоянии этим тенденциям и создании особых площадок диалога не может считаться универсальным. К российскому информационному пространству, скорее, приложима теория «нормализации» (что соответствует понятию «молчания») социальных сетей: «Выражая непопулярное мнение в социальной сети, пользователь рискует не только быть подверженным остракизму внутри интернет-сообщества, но также испытать социальное давление в “реальной жизни”, что ставит перед ним барьер, предельно схожий с классическими случаями применения “спирали молчания”. В этом смысле можно согласиться с представителями идеи “нормализации”: с развитием интернет-коммуникаций традиционные модели общения будут вытеснять революционный потенциал, образуя новые варианты обычных социальных и политических связей» [4, 64] (Д. А. Лукашевич ссылается в этом суждении на статью [10]). В связи с этим возникает ключевой вопрос: какая журналистика нужна российскому обществу и могут ли, условно говоря, «западные» стандарты журнализма соответствовать тем общественным реалиям, что репрезентируются сегодня? Если российское общество стабильно себя чувствует исключительно в авторитарных моделях управления, далеких от либеральной демократической модели, то почему бы и не согласиться с идеей культивирования и совершенствования таких авторитарных моделей с целью выработки согласия общества и власти (и не это ли важная функция журналистики — консенсус власти и общества, социальная стабильность)? Не это ли и есть социально ответственная журналистика?

Казалось бы, легко ответить на эти вопросы с позиций пусть не закрепленного официально, но существующего в интернациональной журналистской среде стандарта (журналистика должна контролировать действия власти и своевременно извещать общество о проблемах): нет, журналистика обязана сопротивляться «спирали молчания» и снижать напряженность, создаваемую ею (а это равнозначно выходу на платформу диалога). Однако целый ряд новых концепций, появившихся в начале XXI в., обращен к глубокой феноменальной сути информационных процессов, имеющих в разных странах разные конфигурации.

Думается, что сильными позициями в исследовательском поле журналистики сегодня обладают теоретики *commensurability* (соразмерности), *indigenization* («отуземливания»), *internationalism* (в противовес «глобализации», воспринимаемой в основном как всеобщее движение человечества в планетарном масштабе по пути западных ценностей). Все эти концепции, основываясь на критике понятий «глобализация», «глокализация», относимых к «западному» типу мышления, создают особую терминологию «права национальной журналистики на самоопределение» и одновременно вносят свой вклад в разработку метатеории, отличной от той метатеории журналистики, что ориентирована на западную модель социума (см., например, концепцию «срединного пути» журнализма Ш. Гунаратна [8]). Однако все эти теории, направленные на изучение локальных особенностей социума, требуют определенного упорядочивания и «приложения» к информационному полю современной России. Исследовательские усилия должны быть направлены на выявление институционального баланса между понятиями «социально ответственной журналистики» и ценностями, которые журналистика

должна транслировать. Иначе говоря, возникает проблема выявления не только особенностей российской аудитории в ее склонности к наррации в противовес диалогу, но и уточнения «индигенизированной» (четко привязанной к конкретному социуму с его традициями и информационными потребностями) миссии отечественной журналистики.

-
1. *Достоевский Ф. М.* Бесы : роман. М., 2008.
  2. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М., 1968. С. 99–105.
  3. *Лозовский Б. Н.* Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010.
  4. *Лукашевич Д. А.* Применимость теории «спирали молчания» к сети Интернет и новым медиа // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2013. Т. 12, вып. 6 : Журналистика. С. 61–66.
  5. *Науменко Т. В.* Проблемы массовой коммуникации в зарубежных исследованиях XX века // *Credo new*. 2013. № 2.
  6. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания : пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М., 1996. 352 с.
  7. *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. 312 с.
  8. *Gunaratne S.* De-Westernizing communication/social science research: opportunities and limitations // *Media, Culture, Society*. 2010. № 32. P. 473–500.
  9. *Hoа Sh. S., Chena V. H.-H., Simb C. C.* The spiral of silence: examining how cultural predispositions, news attention, and opinion congruency relate to opinion expression // *Asian Journal of Communication*. 2013. Vol. 23, iss. 2. P. 113–134.
  10. *Wright S.* Politics as Usual? Revolution, Normalization and a New Agenda for Online Deliberation // *New Media & Society*. 2012. № 7. P. 244–261.

Статья поступила в редакцию 16.03.2015 г.